

ТОПОЛЬ СЕРЕБРИСТЫЙ

Если не было зимой крепкого мороза, свежести, снега, пушистого инея, снегопада на сутки, вьюжных вечеров, перламутрового льда и яркого, звёздно-далёкого неба, то, считай, что это время года не удалось. А осенью я люблю много чего: и тёплые-тёплые дни в сентябре, и утреннюю мелкую росу, и расписной грушевый лист, и кленовые бульвары в огне, и долгие, глухие дождливые времена, когда в середине дня кажется, будто «хмурое утро», но потом всё обязательно прояснится, закончится и утихнет...

Но летом – всё другое. Лето никогда не надоедает, даже в самые жаркие дни. Летом кажется, что так хорошо будет всегда – в лёгком платье, в неге, в тепле и в радости.

Утром – яркое солнце, и белый туман у земли клубится, и праздничный тополь серебристый.

А ночью, когда много серебряных звёзд на небе, тополь возле родного дома тоже тёмно-серебрист, загадочен, он похож на огромный букет, и кажется, будто звёзды на небе – первые облетевшие листья... Небо далеко, тополь – рядом, и так же непознаваема жизнь, и невозможно оторвать глаз и проститься с этим навсегда. Есть особый, вселенский уют серебряной тёплой ночью, когда ты один на земле, ты и звёздное небо, ты и тишина, и когда ты понимаешь, что твоя жизнь принадлежит только тебе. Наверное, это ночное заблуждение. Утро – солнечное, и солнце всегда «вьёт гнездо» в кроне моего тополя. «Золото в серебре». Тополь наш растёт на востоке.

И первые опавшие листья хрустят под ногой, а утром, отсыревшие, они мягки и податливы.

И вдруг наступает равновесие души.

Я читала книги про путешественников, как в одиночку они переплывали океаны, скитались в джунглях, покоряли вершины. Я, наверное, хотела уйти от себя с этими целеустремлёнными мужчинами, которые знали настоящие дороги. Я тоже смутно чувствовала свою цель – в дымке, в тумане – но с чего начать, как сделать первый шаг? Да и стоит ли? Я была и есть – я уверена – очень обыкновенной, обычной – только немного странной, слишком чувствительной и ранимой.

Здесь, у тополя, я фотографировала своим старым ФЭДом сестру. Вышло, будто она стоит у берёзовых стволов – кора тополя зеленовато-светлая, и на чёрно-белой фотографии получилась да, берёза. Сестры больше нет. Несчастной моей сестры, которая металась в наркотическом забытии, комкая подушку-думочку» – она умирала от рака, ей кололи опий.

Об одном жалею, твердила она перед тем, как совсем слечь, потерять разум, что мы вырастили своих детей безбожниками. Что с ними будет? И что будет с нами?

Но тогда, во времена увлечения фотографией, я была слишком молода, чтобы терзаться такими вопросами. В летние дни я выбиралась на речку: к прохладе воды, мягкому песку. Здесь я встретила с курчавым парнем – он гонял на мопеде, как школьник. Влюбленный, он приезжал к тополю. Ему казалось, что я тоже влюблена, но сердце моё было стыло и пусто. А он, молодец, добивался моей взаимности и хвастался: смотри, у меня все руки сбиты (он показывал крупные мозолистые ладони), я дом строю, двухэтажный, давай жить...

Парень мне нравился. Ничего у нас с ним не было – даже поцелуев, только несколько разговоров у реки и один раз – у тополя. Вечером. Он узнал, вызнал, где я живу, хотя я ему даже имя своё не сказала. «Не приходите ко мне больше. Ничего не выйдет», – твердила я. «Но почему, почему?» – удивлялся он. Это было долго и мучительно рассказывать: почему. И стыдно. Я погубила свою жизнь, а теперь терпела. Но ведь никто не виноват, только я! И я делала вид, что всё нормально. Чтобы меня не жалели хотя бы в глаза. Потому что жалеть нужно тех, у кого случайность или стечение обстоятельств. А я сама, сама виновата!

И он больше не приезжал. Я даже, кстати, не помню, как его звали. Сергей? А, может быть, Слава? «Ты знаешь, – говорил он мне, – я в прошлой жизни, наверное, жил в Персии. Или в Финикии, Сирии. Я очень люблю финики».

Из-за этого Серёжи или Славы я тоже полюбила финики – в память о нём. О хорошем парне на мопеде. Его даже не остановило то, что он был меня младше – на год или два. «Это ничего», – объяснял он мне. Вот так, имя я ему не сказала, а возраст – пожалуйста. Он был загорелый, плотный, с шапкой тёмных кудрей. А я была золотистая – от летнего щедрого солнца, тонкая – от переживаний, и вьющиеся волосы гладили меня по плечам. «Забудь меня, – говорила я ему. – Мы взрослые люди».

Но я и сейчас всё ещё чувствую себя иногда ребёнком, маминой дочкой, а мамы – нет. А тогда она мне сказала резко: «Что за парень? Что люди подумают?» И ещё что-то. Ну, он всего-то и приехал один раз – к тополю. Ничего, наверное, люди и не успели подумать...

В густую крону тополя любили прилетать сороки – праздничные, хлопотливые птицы. А осенью зачастили грачи – чёрные, крикливые, любят они это дерево – потолковать, перед тем как податься в дальнюю дорогу.

Тополь, тополь, волшебное дерево! То у тебя лишь серебряный окоём, а вся листва, вся шуба – зелёная, блестящая, а то тронет ветер – и весь ты – драгоценно-серебристый, как виски моего любимого. «Я люблю тебя, – твердила я, стоя на крыльце, – слышишь, люблю!» И знала – там, далеко, ты – со мной, ты – не предашь, и никому не отдашь, и никогда не оставишь – ни в горе, ни в радости!

Тополь серебристый – это ты. Большой, непокорный, самое красивое дерево на нашей улице, «самый красивый парень на деревне», самый-самый... «Ты – самый лучший!» – убежденно говорю я, глядя в любимые глаза или слыша любимый голос. Не только для меня, а вообще.

Когда-то, в юности, у меня был красный спортивный костюм (я любила радость движения) и три красивых летучих платья (одно подарила покойная сестра). Я чувствовала

силу юности, чистоты и свежести. И ужасно страдала от грязи, от нелюбви, от вида чужой глупости – мне казалось, что всего этого не должно быть в моей жизни.

Теперь беды закалили меня. Нет, я не научилась их преодолевать легче, но мне всё труднее чувствовать себя счастливой и любимой. И лишь в твоих ладонях мне хорошо и покойно. И когда мы долго не видимся, я мечтаю: сразу начну целовать твои ладони. И стану перед тобой на колени. Это не знак и не символ, просто ноги не держат от счастья. Но ничего из этих мечтаний не получается – это ты меня начинаешь сразу целовать и твердишь о своей любви, а я не могу ничего сказать, потому что слёзы бегут по щекам.

Серебряный ветер – на серебристом тополе. На мраморном памятнике маме. Серебристая вьюга зимой. Серебряный ветер разбрасывает листья.

Помню, зимой, малоснежной и серой, тополь всё равно был серебристый, задумчиво-жемчужно стояли его ветви в низком небе. Но здесь, над тополем, небо было выше! Потому что дорогу мимо тополя не миновал никто. Здесь проезжал на машине мой брат – его давно нет, и уже выросли его сыновья; здесь, стояла, провожая меня, мама – и её нет; здесь, если честно, часто нет и меня – когда я проваливаюсь, пропадаю в городе – далеко отсюда, чужом, если вдуматься, городе, который я уже много лет по кирпичику перестраиваю под себя. А тополь – ждёт! Здесь я всегда дома и всегда своя, и ничего этому тополю не надо – ни полива, ни ухода. Это мы все – при нём.

И вечером, будто бы по какому делу, я иду по всё ещё зелёной траве, мягкой, приятной ноге, к тополю, иду медленно, о чём-то думаю, мечтаю... О чём же? И думы все эти одинаковы, каждый год, уж много лет. Что жизнь – коротка, что скоро она пройдёт и проходит, что будущее, к счастью, неизвестно, а прошлое, к сожалению, не переделаешь. Но, раскаиваясь во многом и многом, я никому не хочу его отдавать, это моя жизнь, мои вынырнувшие дни, дни сомнений и разочарований, вдохновений и тревог. Дни беды. Но было, было и счастье...

Раньше я страдала от того, что не стала художником, что не передала на картинах то радостное и светлое, что во мне есть и что я вижу. А теперь думаю: хорошо! Лишь дома – вечный пейзаж и вечная радость. Картины в Третьяковке уже не удивляют, как прежде. Многие книги – не нужны. А это небо, эта земля, этот тополь, этот вечер – так же радуют и печалят душу, как много лет назад. Кажется, без этого можно прожить, можно забыть и не помнить, но вот я возвращаюсь домой – и мне здесь хорошо. Самые главные мои картины всегда со мной, их много, и не нужно краски, кисти и холста, только бы помнить! Серебристый тополь, и дымку над ним, и неуклюжую любовь кудрявого парня (кто-то живёт теперь в его двухэтажном доме?!). А мой любимый никогда этого тополя не видел. А могила моей сестры – далеко, на Украине. Но если ехать, то всё равно путь, начало, лежит мимо тополя, могучего и серебристого.

Почему же так грустно? Ведь ещё долго жить, и будет, наверное, счастье...